Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЗМ В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

Мы привыкли считать антиисторизм характерной чертой мышления просветителей XVIII века, рассматривая соответственно историзм как одно из величайших завоеваний философской и общественной мысли XIX века. И в самом общем теоретическом виде такое представление отвечает истинному, реальному положению вещей. Но диалектика учит, что истина всегда конкретна. Ни одним научным положением нельзя безнаказанно пользоваться только в общем, абстрактном виде, рассматривая его как догму. Даже наиболее глубокое и верное обобщение, если пользоваться им недостаточно гибко и осторожно, рассматривая его как неподвижную, «вечную» истину, превращается зачастую в свою противоположность. Это относится и к вопросу об исторических идеях просветителей.

Антиисторизм мышления просветителей XVIII века на Западе (как и антиисторизм Фейербаха и русских просветителей 1840—1860-х годов) состоял в том, что все они считали наиболее глубоким ядром личности человека его «естественную природу», данную от века и не подверженную качественным изменениям. Представления об «естественном разуме» и «естественной природе» человека, неумение применить к природе человека учение о развитии (в противовес современной науке, получившей возможность рассматривать физические свойства и психику человека в процессе непрерывного их движения, развития и обновления) составляют объективную границу просветительского историзма, его предел, обусловленный общим уровнем знаний тогдашней эпохи. Но если мы раз навсегда ясно и отчетливо будем сознавать этот предел, нам станет ясно, что *в ряде других и притом очень важных моментов* мышление просветителей отнюдь не было антиисторичным. Ибо в «вечную», «естественную» природу человека верили не только философы и писатели-просветители, но и многие их предшественники — в первую очередь метафизики и рационалисты XVII в., а в искусстве и литературе — эстетики